

Полный словарь диалектной языковой личности / Авт.-сост. О.И. Гордеева, Л.Г. Гынгазова, Е.В. Иванцова и др.; Под ред. Е.В. Иванцовой. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2006. – Т. 1: А–З. – 358 с.

Полный словарь диалектной языковой личности / Авт.-сост. Т.Б. Банкова, О.И. Блинова, К.В. Гарганеева и др.; Под ред. Е.В. Иванцовой. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2007. – Т. 2: И–О. – 336 с.

Словарь представляет собой первый опыт полного лексикографического описания лексикона одной языковой личности – Веры Прокофьевны Вершининой, носителя традиционного сибирского старожильческого говора с. Вершинино Томской области. Он включает всю зафиксированную у информанта в течение 23 лет лексику и фразеологию – не только собственно диалектную, но и просторечную и общерусскую, экспрессивную и нейтральную, новую и устаревавшую, отражает её системные связи и особенности словоупотребления, позволяя впервые исследовать в относительно полном объёме лексикон рядового носителя языка XX – начала XXI в.

Для научных работников, студентов, учителей-словесников, писателей, всех, кто интересуется русской культурой и народной речью.

БАРЫШНИ И КРЕСТЬЯНКА

Нельзя прочитать или услышать какой-либо текст на «языке вообще»: русский текст, английский и т.д. Всякий текст, всякое проявление языка связано с личностью, язык воплощается только через индивидуально-авторскую речь. Внимание к конкретной языковой личности формируется в рамках младограмматизма в XIX в. Эту мысль в русском языкознании разрабатывали И.А. Бодуэн де Куртенэ, А.М. Пешковский, В.В. Виноградов и др. Новый этап в изучении проблемы «язык и личность» наступает в 70-е гг. XX в. в связи с формированием антропоцентрической парадигмы в языкознании. Как пишет Ю.Н. Караулов, «языкознание незаметно для себя вступило в новую полосу своего развития, полосу подавляющего интереса к языковой личности» [1. С. 48].

В русистике стабильно сложился интерес к изучению языковой личности в двух направлениях: описание так называемой элитарной языковой личности, которую в большинстве случаев представляют писатели (их язык изучается на материале художественных текстов), и диалектной языковой личности, язык которой описывается на основе записей речи диалектологами.

Особое значение при этом имеет лексикографический аспект исследования: в словаре индивида отражается «жизнь души» человека, круг его интересов и мировосприятие, через посредство языка высвечивается человеческая личность.

Имеющиеся прецеденты – четыре словаря: «Диалектный словарь личности» В.П. Тимофеева (Шадринск, 1971), «Словарь диалектной личности» В.Д. Лютиковой (Тюмень, 2000), «Экспрессивный словарь диалектной личности» Е.А. Нефёдовой (М., 2001), «Словарь языка Агафьи Лыковой» Г.А. Тол-

стовой (под общ. рук. Л.Г. Самотик, Красноярск, 2004) – представляют лексикон личности частично: в словаре Г.А. Толстовой лексикографирована письменная речь старообрядки, три других словаря являются дифференциальными, так как включают в себя только диалектные слова.

Полный словарь диалектной личности задумывался давно: в 1960-е гг. в Пермском университете под руководством Ф.Л. Скитовой была начата работа над полным словарём деревни Акчим и таким же словарем Анны Герасимовны Горшковой, жительницы этой деревни. Какие возможности предоставляет подобный проект, трудно заранее просчитать, но что это многое обещает – совершенно несомненно. К сожалению, словарь языка Анны Герасимовны не опубликован. Но идея создания полного словаря личности на фоне недифференциального же словаря говора была осуществлена на сибирском материале: сегодня уже изданы при финансовой поддержке РГНФ и Томского госуниверситета два тома «Полного словаря диалектной языковой личности» одной жительницы села Вершинино (2 завершающих тома готовятся к публикации) и вышел в свет 7-томный «Вершининский словарь» – полный словарь одной деревни, итог полувекковой работы томских лексикографов (см. рецензию [2]).

Объектом изучения в «Полном словаре диалектной языковой личности» стала Вера Прокофьевна Вершинина, «1909 г. рождения, русская, коренная жительница села Вершинино Томского района Томской области. <...> В этом селе диалектоносительница родилась и прожила всю жизнь, далее областного центра и окрестных деревень никуда не выезжала. <...> Малограмотная (как и многие из её ровесниц, читать и писать выучилась в 20-е гг. на ликбезе, уже подростком). Детство и юность В.П. пришлось ещё на годы единоличного хозяйства, сама она всю жизнь проработала в колхозе (позже в совхозе) и хорошо знакома со всеми занятиями крестьянского населения – от работы в поле и на огороде до заготовки леса, с многообразными видами труда в домашнем хозяйстве. Была замужем; вырастила и рано похоронила единственного сына. <...> Живо интересуется событиями в селе и стране, обладает хорошей памятью, общительным характером, нестандартной, выразительной речью» [3. С. 22].

Выбор информанта был обусловлен, с одной стороны, его типичностью для архаической народной культуры, а с другой – ярко выраженной языковой индивидуальностью. Согласно различным типологиям (В.П. Нерознака, Н.Д. Арутюновой, Н.Л. Чулкиной, Б.Ю. Нормана) выделяются языковая личность стандартная и нестандартная, подчиняющаяся языку и подчиняющая язык; типичный, рядовой и творческий носитель языка. Однако, как справедливо отмечает Е.В. Иванцова, в практике лингвистических исследований разграничить типы языковых личностей практически невозможно: «такое положение дел объясняется не столько методологическими просчётами, сколько сущностью любой языковой личности, в которой органически переплетаются индивидуальное и типическое» [3. С. 13]. Рецензируемый словарь ярко демонстрирует соединение разнородных начал в языке индивида.

Сколько же слов в идиолекте Вершининой? Количественная оценка индивидуального лексикона (как и национального в целом) чрезвычайно важна. Цифры, приводимые в литературе в качестве среднего словарного запаса

языковой личности, очень разнородны. Это связано и с разнообразием личностей, и с разным пониманием минимальной единицы в составе лексикона личности, и с очевидной приблизительностью подсчётов. Так, по данным В.П. Тимофеева, Макс Мюллер узнал «от достоверного авторитета, деревенского священника, что некоторые работники в его приходе имеют не более 300 слов в своём словаре». Впоследствии эта цифра была ещё раз упомянута Ж. Вандриесом в книге «Язык» [4. С. 54]. Е.С. Холден утверждал, что словарь многих людей включает в себя 30 000 слов, что существует мало оснований для распространённого мнения, будто обыкновенный человек употребляет от 3 000 до 4 000, образованный писатель – 10 000. Исследователь XIX – начала XX в. Е.А. Кирпатрик оценивал свой словарь в 70 000 слов [Там же. С. 55]. Идеалом, к которому должен стремиться образованный человек, долгие годы считался словарный запас А.С. Пушкина, насчитывающий, по данным «Словаря языка Пушкина» (М., 1956–1961), 21 191 слово. Но все утверждения о количестве единиц индивидуального лексикона носят гипотетический характер, поскольку они не основаны на данных полных словарей (пушкинский словарь также нельзя считать полным, так как он фиксирует только лексику письменной речи).

Первый в русистике «Полный словарь диалектной языковой личности» составляет около 30 000 слов (два первых тома включают 14 000 единиц).

Итак, малограмотная крестьянка... Разрушая бытующие представления о деревенском человеке, стереотипный образ которого не отличается привлекательными чертами, словарь демонстрирует богатый внутренний мир диалектной языковой личности, отраженный в языковой форме.

И.А. Бодуэн де Куртенэ наметил два основных подхода к исследованию лексикона личности: «по отношению к количеству (запас выражений и слов, употребляемых этим данным индивидуумом)» и «по отношению к качеству (способ произношения, известные слова, формы и обороты, свойственные данному индивидууму, и т.п.)» [5. С. 77].

Качественные характеристики словарного запаса личности, представленного в словаре, разнообразны. В «Полный словарь...» вошла вся отмеченная в речи В.П. Вершининой лексика и фразеология – общерусская, диалектная, диалектно-просторечная, независимо от её частотности, экспрессивной окраски, сферы употребления и т.д., представляющая как активный, так и пассивный словарный запас информанта. Особо важно впервые введенное в лексикографическую практику отражение языковых единиц, употребляемых диалектоносителем только при передаче чужой речи – фрагменты чужих лексиконов, приведённые с особой пометой. Одной из особенностей Словаря является включение в его состав сравнений, метафор, прецедентных текстов, отмеченных в идиолексионе. Основной корпус Словаря представляет нарицательную лексику и фразеологию, но в приложении планируется отражение антропонимов и топонимов, пословиц, поговорок и присказок; образцов связных текстов. Система сравнений информанта уже лексикографирована в «Идиолектном словаре сравнений сибирского старожила» Е.В. Иванцовой (Томск, 2005), опубликованы и некоторые его тексты (сборник того же автора «Живая речь русских старожилов Сибири». Томск, 2007).

Словарь представляет богатейший материал для разноаспектных исследований феномена языковой личности, и уже сейчас перечень работ по типологическим классам единиц идиолексикона, системным связям, тропам, метаязыковому сознанию, особенностям строения текста, системе речевых жанров индивида, реконструкции языковой картины мира говорящего (как на уровне анализа лексических единиц, так и через описание ключевых концептов) и т.д. насчитывает свыше 100 публикаций.

Словарь ценен не только как эмпирическая база для исследования народной речевой культуры через призму языка его конкретного носителя, но и вносит вклад в теорию и практику словарного дела. Принципы словаря во многом носят новаторский характер. Под рубрикой «Тип словаря» авторы указывают: недифференциальный, толковый, хотя после знакомства с изданием хочется сказать не так – это новый тип комплексного словаря. Именно комплексного, потому что информация в нём значительно выходит за рамки обычного толкового.

В рецензируемом издании есть сведения, традиционно лексикографируемые, но в словарях других типов: системных (в словарных статьях вводится информация о синонимических, антонимических, вариантных, омонимических связях единиц); частотных (при каждом ЛСВ отмечено количество зафиксированных словоупотреблений), орфоэпических (показаны некоторые особенности произношения заглавных слов; отдельные фонетические характеристики речи информанта, в том числе интонационные, передаются и в иллюстративных контекстах); фразеологических (отражены разные типы устойчивых сочетаний, выделены факультативные и варьирующиеся элементы в них).

Но есть и такие сведения, которые в русской лексикографии ранее не отображались. Наряду с использованием традиционных для толковых словарей помет, в Словарь впервые введен ряд новых. Среди экспрессивных это пометы о коннотации, связанной с этикетными и прагматическими установками речи данной языковой личности: *смягчённое, сочувственное, снисходительное, осудительное, негативная эстетическая оценка, позитивная эстетическая оценка*. К списку диахронических, включающих *новое и устаревшее*, добавлена помета *устаревающее*. Впервые в словаре рядового носителя языка нашли отражение пометы, маркирующие систему индивидуальных выразительных средств идиолекта: *в сравнении, переносное, в развернутой метафоре, в прецедентном тексте*. Интересным представляется и введение пометы *в чужой речи*, отражающей цитатное употребление элементов, нетипичных для лексикона самого информанта, – в составе речи украинцев, детей, официальных лиц и т.д. Малораспространенной в диалектной лексикографии является характеристика слова с позиций соотносительности с разными формами национального языка (его кодифицированной разновидностью, городским просторечием и местными говорами), передающаяся через пометы *общерусское, диалектно-просторечное и собственно диалектное* с их вариантами. Такая характеристика релевантна для словаря полного типа и впервые представлена в «Вершининском словаре» под ред. О.И. Блиновой. Опираясь на выделенные в нем критерии стратификации лексики по данному параметру, составители «Полного словаря...» отмечают случаи не-

совпадения показаний в толковых словарях литературного языка и собственной оценки, сопровождая их звёздочкой.

Уровень лексикографической обработки материала достаточно высок. В этом плане показательными являются использованные в словаре сокращения и графические обозначения. Все они (общим числом 155) несут лексикографическую информацию. Для сравнения: в академическом 4-хтомном «Словаре русского языка» (МАС) 234 сокращения, 63 из них – указание на область знания, где используется специальная лексика (*авиация, анатомия, антропология* и т.д.), 37 – обозначение языков (*английское, венгерское, голландское* и т.д.), 7 (?) – обозначение месяцев (*август, апрель* и т.д.), 6 – общие сокращения, не являющиеся пометами (*главным образом, и так далее, нашей эры*) и 5 графических обозначений [6], таким образом, лексикографических помет, используемых в словаре общенационального литературного языка, – 126.

Тонко передана семантика словарных единиц. Она чётко подразделяется на значения, оттенки значений и употребления; при семантизации единиц лексикографы стремились к отражению «компонентов смысла, существующих в обыденном сознании рядового носителя языка» [7. С. 17].

Об издании можно сказать еще много хороших слов.

Каждый читающий научный текст прежде всего обращает внимание на те положения, которые созвучны его собственным наблюдениям.

Мне показалось оригинальным выделение в функционально-стилевой дифференциации диалекта одной пометы *официальное*. Как мы знаем, вопрос о стилистической дифференциации говоров не имеет однозначного ответа: или существование функциональных стилей отрицается в принципе (в традиционной диалектологии), или их обозначается довольно много (Л.М. Орлов). Думается, что выделение официального стиля соответствует представлению о языке в сознании рядового диалектоносителя: всё «правильное», отчуждаемое сознанием от собственного речевого опыта, связывается именно с официальной речью, исходящей от власти. Такое «народное» отношение к стилям не соответствует ни истории (исторически долгое время литературный язык в целом репрезентировал художественный стиль), ни современному состоянию стилистики (официально-деловой стиль существует в ней наряду с рядом других). Тем интереснее принятый в словаре вариант стилиевой дифференциации говора. Информативной представляется и помета *высокое*, которая маркирует лексику, отражающую «представления о прекрасном, трагическом, о жизненно важных явлениях и предметах окружающего мира. Для крестьянина это – отдельные природные явления, солнце, Бог, жизнь и смерть, хлеб, корова, мать, дети и некоторые другие» [7. С. 16].

Другой заинтересовавший меня момент связан с отражением в словаре сведений об употреблении в составе лексики чужой речи отдельных украинских слов. В сибирской крестьянской ментальности много своеобразного, в том числе – отношение к украинцам и украинскому языку. Белорусы и белорусский язык не выделяются в языковом сознании сибирской крестьянки (очевидно, что и национальное самосознание белорусов – процесс более позднего характера по сравнению со становлением русских старожильческих говоров Сибири). Украинцы же и украинский язык (а я бы сказала, ещё и украинские песни, и др.) осознаются в Сибири как инородные, но по сравнению с другими

нациями и национальными языками чрезвычайно близкие; вследствие этого элементы речевой культуры украинцев воспроизводимы в речи.

Представляется также значимым для характеристики исследуемой языковой личности соотношение слов с положительной и отрицательной коннотацией. Соотношение между мелиоративной и пейоративной оценкой в языке В.П. Вершининой склоняется явно в сторону мелиоративной: из традиционных помет 9 положительных и 7 отрицательных, дополнительные к традиционным пометы (*снисходительное* и *смягчённое*) также несут положительную эмоционально-экспрессивную окрашенность. Для сравнения: в МАС использовано 10 коннотативных помет (*бранное, грубо-просторечное, в ироническом смысле, ласкательное, неодобрительное, почтительное, презрительное, пренебрежительное, уменьшительно-ласкательное, уничижительное*), из них 7 – с отрицательной оценкой (что позволяет некоторым говорить о грубости языка и т.п., хотя это лишь свидетельство асимметрии языкового знака и соответствует наблюдению Л.Н. Толстого о том, что «все счастливые семьи похожи друг на друга, каждая несчастная семья несчастлива по-своему» [8. С. 7]).

Итак, а барышни? Редакторы, составители словарных статей и авторы полевых записей – преподаватели, аспиранты и студенты в основном Томского государственного университета. Широко известная в стране и за рубежом Томская диалектологическая школа [9, 10, 11] включила в список своих достижений и этот словарь, который создавался в течение четверти века. Молоденькие студентки стали маститыми учёными, докторами наук (так все ступени прошла редактор рецензируемого издания Екатерина Вадимовна Иванцова). Хотя основную работу выполнял относительно небольшой коллектив, в составлении словарных статей принимали участие 40 человек, а в создании картотеки словаря – 188. Таким составом надо уметь руководить, при таком составе участников «выдать» цельный, непротиворечивый, как теперь выражаются, «конечный продукт». Безусловно, это дело нелёгкое. Но самое главное – диалектологи сумели собрать легший в основу Словаря уникальный материал редко используемым методом «включения в языковое сознание» (Н.И. Конрад, Т.С. Коготкова), иначе – «сосуществования» (И.А. Оссовецкий), «соучастия» (В.П. Тимофеев), который базируется на двух основаниях: психологической контактности между исследователем и информантом и долговременности сроков наблюдения. Для реализации этого метода требуются особые душевные качества собирателей. Длительное общение с диалектной языковой личностью не прошло бесследно. В предисловии к Словарю читаем: «Давняя встреча с Верой Прокофьевной Вершининой была тем счастливым событием, которое оставило глубокий след в жизни каждого из нас. Мы учились у неё доброте, душевной мудрости, терпимости, умению выстоять под ударами судьбы и жизнелюбию» [12. С. 7].

«Полный словарь диалектной личности» – далеко не ординарное явление в русской лексикографии. Значение его понятно нам уже сегодня, но со временем оно будет открываться перед исследователями и всеми, кто интересуется русской языковой культурой, всё новыми и новыми гранями.

Литература

1. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М.: Наука, 1987. 262 с.
2. Самотик Л.Г. В селе Вершинино живут Вершинины... и говорят по-вершинински // Речевое общение: специализированный вестник / Красноярск. гос. ун-т; Под ред. А.П. Сквородникова. Красноярск, 2006. Вып. 8–9 (16–17). С. 254–262.
3. Иванцова Е.В. Феномен диалектной языковой личности. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2002. 312 с.
4. Тимофеев В.П. Личность и языковая среда: Учеб. пособие. Шадринск, 1971. 120 с.
5. Бодуэн де Куртэнэ И.А. Избранные труды по общему языкознанию. М.: Изд-во АН СССР, 1963. Т. 1–2.
6. Словарь русского языка / Под ред. А.П. Евгеньевой. М.: Рус. яз., 1981–1984. Т. 1–4.
7. Иванцова Е.В. Введение // Полный словарь диалектной языковой личности / Под ред. Е.В. Иванцовой. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2006. Т. 1. С. 9–20.
8. Толстой Л.Н. Собр. соч.: В 12 т. Т. 8: Анна Каренина. М.: ГИХЛ, 1958. 478 с.
9. Томская диалектологическая школа в лицах: Биограф. словарь / Под ред. О.И. Блиновой. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2005. Вып. 1. 150 с.; 2006. Вып. 2. 130 с.
10. Томская диалектологическая школа: Историогр. очерк / Под ред. О.И. Блиновой. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2006. 392 с.
11. Труды Томской диалектологической школы: Библиогр. указ. / Под ред. О.И. Блиновой. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2003. 142 с.
12. Гынгазова Л.Г., Иванцова Е.В. Предисловие // Полный словарь диалектной языковой личности / Под ред. Е.В. Иванцовой. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2006. Т. 1. С. 3–7.

Л.Г. Самотик,

канд. филол. наук,

зав. каф. русского языка и культуры речи,

Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева.